

**Историко-этнографические
исследования народов России
как ресурс национальной политики
(XVIII — начало XX века)**

ГОРЛОВА Ирина Ивановна

*доктор философских наук, профессор,
директор Южного филиала Российского
научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
г. Краснодар, Россия
Электронная почта: ii.gorlova@gmail.com.*

ЕРЕМЕЕВА Анна Натановна

*доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела комплексных проблем
изучения культуры Южного филиала
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
г. Краснодар, Россия.
Электронная почта: erana@mail.ru.*

КОСТИНА Наталья Анатольевна

*кандидат педагогических наук, ведущий научный
сотрудник отдела научно-образовательных проектов и
программ Южного филиала Российского научно-исследова-
тельского института культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачева, г. Краснодар, Россия.
Электронная почта: kostnat72@mail.ru.*

**Historical and Ethnographic Study
of the Peoples of Russia
as a Resource of National Policy
(The 18th — the Beginning
of the 20th Century)**

Irina I. GORLOVA

*Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Director, Southern Branch of Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russia
E-mail: ii.gorlova@gmail.com*

Anna N. EREMEEVA

*Dr. Sci. (National History), Prof.,
Chief Researcher, Department of Complex Problems for
Cultural Research,
Southern Branch of Russian Research Institute for
Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
E-mail: erana@mail.ru*

Natalia A. KOSTINA

*Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology),
Assoc. Prof.,
Leading Researcher, Department of Scientific and
Educational Projects and Programs,
Southern Branch of the Russian Research Institute for
Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
E-mail: kostnat72@mail.ru*

Аннотация

В статье представлены основные тенденции развития историко-этнографического изучения народов России. Дается характеристика научных учреждений, вовлеченных в исследовательский процесс. Авторы рассматривают историко-этнографические исследования как ресурс национальной политики Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, национальная политика, история, этнография, культурное наследие.

Abstract

The article presents the main trends in the development of historical and ethnographic study of the peoples of Russia. The characteristic of scientific institutions involved in the research process is given. The authors examine historical and ethnographic research as a resource of the national policy of the Russian Empire.

Keywords: Russian Empire, national politics, history, Ethnography, cultural heritage.

Начало систематического научного собирания этнографических сведений, изучения территории и населения России обычно датируют первой четвертью XVIII в. и рассматривают как неотъемлемую часть петровских реформ.

Исследованием народов, проживающих на территории России, публикацией и изучением разнообразных источников уже в XVIII в. занимались государственные научные учреждения.

Прежде всего, выделим Петербургскую Кунсткамеру, основанную в 1714 г. Важной составляющей ее коллекций стали экспонаты, связанные с народами, населяющими Российскую империю. С созданием Академии наук Кунсткамера стала ее частью. Академические экспедиции включали этнографические исследования. Так, участник Академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–174) С. П. Крашенинников в книге «Описание земли Камчатки» (1775) поместил рисунки, достаточно точно воспроизводившие антропологические особенности, одежду, элементы быта народов Камчатки. Императрица Елизавета Петровна приказом 1761 г. повелела организовать систематический сбор предметов костюмов народов Сибири.

К концу XVIII в. в экспозиции Кунсткамеры были представлены одежда, обувь, головные уборы, берестяная утварь и предметы быта угорских народов Западной Сибири; летняя, зимняя и промысловая одежда тунгусов и самодийцев; детали конской упряжи и военное снаряжение бурят; орудия рыболовства и охоты на морского зверя эскимосов, коряков; ритуальные костюмы и бубны сибирских шаманов, изображения божеств и амулеты [14].

Сначала коллекции экспонировались в шкафах, но уже со второй половины XVIII в. начинают использоваться манекены, воспроизводящие внешний облик народов.

Общество истории и древностей российских при Московском университете, было основано в 1804 г., в своей работе также уделяло немало внимания истории и этнографии народов России. Об этом свидетельствуют материалы периодического издания «Чтения в Обществе истории и древностей российских», издававшегося с перерывом с 1846 по 1918 гг., где публиковались памятники старо-

славянской, древнерусской и украинской письменности, богатейшие историко-этнографические документальные материалы и переводы сочинений иностранцев о России.

С XVIII в. в России зарождается востоковедение, на всех этапах развития тесно связанное с внешнеполитическими интересами государства. Еще во времена Петра I в России была построена арабская типография. В Российской академии наук работали иностранцы — знатоки восточных языков (Г. Я. Керр и др.).

В 1720 г. Петр I издал указ об *Определении Коллегии иностранных дел*, в которой значилась «экспедиция турецких и других восточных языков». В 1797 г. в составе Коллегии иностранных дел был учрежден «особый Департамент для отправления дел, касающихся азиатских народов». В 1802 г. царским манифестом было учреждено Министерство иностранных дел, а в нем в январе 1820 г. — Азиатский комитет. В 1823 г. при нем было образовано Учебное отделение восточных языков, готовящее специалистов для министерства. Дипломатические миссии проводили в т. ч. и большую исследовательскую работу.

В 1716 г. впервые на русский язык была переведена священная книга мусульман «Коран». Причем перевод был сделан с французской версии дипломата и востоковеда Андрэ дю Рие. По указу Екатерины II в 1787 г. впервые в России был напечатан полный арабский текст Корана.

В 1817 г. в Санкт-Петербурге было организовано академическое учреждение — Азиатский музей (в настоящее время — Институт востоковедения РАН). Это было хранилище рукописей на различных восточных языках, монет и артефактов восточной культуры и библиотека книг по востоковедению. По сути, с возникновением Азиатско-

го музея начинается история российского академического востоковедения.

Отметим, что в Российской империи практиковалось научное изучение сопредельных территорий, рассматриваемых как потенциальные владения. Так, еще до присоединения Грузии там побывали академические экспедиции, в частности, И. А. Гюльденштедта (1770–1773).

Гюльденштедт собрал обширный материал, касающийся природы, хозяйства, быта населения различных районов Кавказа. После смерти Гюльденштедта его черновики были систематизированы и отредактированы академиком Палласом, издавшим их в Петербурге в 1787 и 1791 гг. в двух томах на языке оригинала — немецком под названием: «Путешествие по России и Кавказским горам». По-русски извлечения из «Путешествия» Гюльденштедта были изданы в 1809 г.

Когда вопрос о присоединении Грузии к России окончательно «созрел», русское правительство специально послало в Грузию А. А. Мусина-Пушкина для научного исследования природных богатств [1, с. 24]. Естественнонаучные экспедиции в Грузию, как и в другие окраинные или сопредельные территории, традиционно сопровождались сбором исторического и этнографического материала.

Вообще, Кавказ интенсивно исследовался как учеными естествоиспытателями (Е. И. Паррот, Э. И. Эйхвальд, А. Я. Купфер, Г. В. Абих и др.), так и военными географами и геодезистами, которые с присоединением Закавказья к России проникли в самые глухие районы Кавказа, создав карты и описание отдельных его областей [7, с. 47].

Серьезным стимулом к изучению истории и этнографии народов России стала публикация «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Наряду с госу-

дарственными научными организациями в исследование включились кружки и общества. Одним из первых стал кружок Н. П. Румянцева — графа, государственного канцлера. Со времени ухода в отставку с пожизненным званием государственного канцлера в 1814 г. и последующие 12 лет, вплоть до смерти в 1826 г. Румянцев занимался организацией и финансированием научных проектов. С 1817 г. сотрудники Румянцева перешли к проведению комплексных археографических, археологических и этнографических экспедиций с целью собрать воедино, сохранить от забвения или уничтожения свидетельства прошлого. Накопление этнографического, фольклорного и лингвистического материалов рассматривалось как необходимое условие для реконструкции отечественной истории и культуры. Деятельность кружка достаточно подробно реконструирована [3]. Выделим лишь основные достижения в области изучения культурного наследия народов России.

В результате деятельности кружка были выявлены и впоследствии изданы тысячи ранее неизвестных рукописных памятников, содержащих ценные данные по этнографии народов России, генезису этнического самосознания; сохранены ценнейшие документы, повествующие о старинных обычаях и обрядах.

За достаточно короткий срок были осуществлены масштабные проекты. П. И. Кеппен (будущий основатель Императорского Русского Географического Общества осуществил научные путешествия по Кавказу и Крыму (1819), по северо-западным и прибалтийским губерниям (1820), материалы которых позже нашли отражение в этнографических и топонимических исследованиях. Еще один яркий пример — экспедиция 1824–1829 гг. будущего академика А. М. Шегрена, в результате которой

было проведено первое системное исследование финно-угорских народов, собран ценнейший лингвистический, ономастический, этнографический материал о вепсах, карелах, саамах, коми и коми-пермяках, самодийских народах, удмуртах, марийцах. Позже, в рамках академических экспедиций, он изучал на Кавказе грузинский и осетинский языки, собирал этнографические сведения о кавказских народах. В 1840-е гг. по заданию Императорского Русского Географического Общества он предпринял экспедиционное изучение народов, проживавших в Лифляндии и Курляндии.

Научные интересы членов Клуба были тесно связаны с внутри — и внешнеполитическими планами Российской империи, в частности, с необходимостью освоения северных и восточных районов страны.

В Клубе выкристаллизовалась идея о необходимости единого хранилища российских древностей (проекты Ф. П. Аделунга и Б. Г. Вихмана об учреждении Русского национального музея). Впоследствии они были реализованы при создании Румянцевского музея (открыт в Санкт-Петербурге в 1831 г., переведен в Москву в 1861 г.).

Русские правительственные экспедиции по изучению обширной территории Российской империи стимулировали развитие этнической картографии. Составлялись карты с усиленной этнической нагрузкой, параллельно уточнялись сведения по расселению этносов и этнических групп.

Активное участие России в колонизации мусульманского Востока привело к увеличению численности мусульманского населения Российской империи и превращению ислама во вторую государственную религию после христианства. Данная ситуация породила необходимость в

кадрах высококвалифицированных специалистов-востоковедов. Спрос на них удовлетворялся созданием факультетов восточных языков при российских университетах, Лазаревского института восточных языков в Москве. Руководство Российской империи традиционно проявляло интерес к грамотным инородцам из числа мусульман, могущих преподавать восточные языки, историю, проводить археологические исследования [5, с. 91–98].

Представители блестящей плеяды петербургских востоковедов — ученики декана факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета В. В. Розена туркестановед В. В. Бартольд, кавказовед Н. Я. Марр, буддологи С. Ф. Ольденбург и Ф. И. Щербатской являлись авторитетными экспертами в области национальной политики.

Значительный вклад в изучение Российской империи и сопредельных с ней областей Азии — Сибири, Урала, Кавказа, Средней и Центральной Азии, Ирана, Индии — внесло Императорское Русское Географическое Общество, учрежденное в 1845 г. В течение многих десятилетий оно вело обширную экспедиционную, издательскую и просветительскую деятельность.

Ее важной составляющей стали работы в области этнической картографии — П. И. Кеппена, А. Ф. Риттиха. П. И. Кеппен работал над этнографической картой Европейской России, отдельных регионов, внес существенный вклад в исследование многонационального Крыма. Под руководством А. Ф. Риттриха эта работа была продолжена. **Этнографическая карта Европейской России фиксировала** 46 народов. «Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям» включал общую карту населения обширного региона и 9 карт народонаселения отдельных Западных губерний Российской империи. Кар-

ты были снабжены информацией о числе жителей обоого пола по каждому приходу отдельно.

Отделения Общества становились крупными научными центрами, являлись важным фактором аккумуляции коренных народов. Это хорошо просматривается на примере деятельности открытого в марте 1851 г. Кавказского Отдела ИРГО, призванного изучать Кавказ в географическом, этнографическом и статистическом отношениях. Отделу предстояло: 1) отыскивать и приводить в известность собранные уже сведения о Кавказском крае, хранящиеся в местных архивах и у частных лиц, рассматривать их, оценивать и решать, какое может быть сделано из них употребление для науки; 2) самому производить ученые исследования на местах для собрания новых сведений или для проверки и пополнения тех, которые уже имеются; 3) оказывать содействие путешественникам, посещающим край с ученой целью, как русским, так и иностранным; и 4) учредить при себе хранилище материалов и ученых пособий, относящихся к кругу его занятий, как-то: библиотеку сочинений, изданных о крае, депо местных карт, статистический архив и этнографический музей [2].

Началась публикация наиболее интересных документов из местных архивов, составлялись библиографические списки. Природно-географические изыскания включали описание реки Куры, исследования Каспийского моря, подготовку географического словаря, сбор сведений о населенных пунктах Кавказа.

В 1852 г., силами членов общества при поддержке наместника Кавказа М. Воронцова был основан музей Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества. Пополнение фондов музея этнографическими, историческими и естественными материалами

происходило во многом силами многонациональной интеллигенции Тифлиса. Среди них Р. Эристави, Г. Эристави, А. Чолокашвили, М. Туманишвили, В. Соллогуб, Г. Токарев, Ф. Байерн, А. Берже и др. Музей функционировал до августа 1864 г. Он заложил основу сформировавшемуся в 1865 г. под руководством географа и натуралиста Г. Радде т. н. Кавказскому Музею, который можно считать предшественником Государственного музея Грузии. Фактически музей Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества был первым поддерживаемым государством научно-просветительским учреждением на Кавказе, на базе которого проводили исследования видные ученые. Музей имел тесные связи с научными центрами России и зарубежных стран [16].

Членами Кавказского отдела ИРГО были известные специалисты в различных областях науки — Н. И. Воронов, А. П. Загурский, Д. С. Старосельский, П. К. Услар, А. А. Шифнер и др. Вовлеченность в кавказоведческие исследования кристаллизовала их научные интересы. Важно отметить, что научно-исследовательской работой в Кавказском ИРГО занимались и высокопоставленные чиновники кавказской администрации. Например, директор канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе в 1883—1887 гг. и член Распорядительного Комитета Отдела А. А. Шепелев, чьи статьи на исторические темы печатались в газете «Кавказ» и в «Известиях Кавказского Отдела Императорского Русского Географического Общества» [4].

Стараниями ученых к научно-исследовательской деятельности приобщались горцы. Солидарная просветительская деятельность научной интеллигенции и представителей российской администрации способствовала интеграции народов Кавказа в российский социум.

Изучение и охрана памятников истории были важнейшим направлением деятельности Императорской археологической комиссии (создана в 1859 г. по инициативе и под председательством графа С. Г. Строганова) и археологических обществ — **Императорского Русского Археологического общества (ИРАО)**, основанного в Санкт-Петербурге в 1846 г. и Московского Императорского Археологического Общества (МИАО), основанного в 1864 по инициативе графа А. С. Уварова. Он же стал первым председателем общества.

При Московского Императорского Археологического Общества действовали различные комиссии, в т. ч. Восточная. Кавказское отделение МИАО в Тифлисе, основанное в 1901 г., являлось самостоятельным научным центром. Восточное отделение имелось и в ИРАО.

Деятельность Общества любителей кавказской археологии (основано в 1873 г., его покровителем стал великий князь Михаил Николаевич) была сфокусирована на поддержании и охране от разорения и расхищения «замечательных сооружений» на Кавказе и исследовании местных памятников древности и старины.

Казанское общество археологии, истории и этнографии (учреждено при Казанском университете в 1878 г.) в качестве цели обозначило «изучение прошедшего и настоящего русского и инородческого населения в территории бывших Булгарско-Хазарских и Казанско-Астраханских царств с прилежащими к ней местностями» [11].

Археологические институты в Санкт-Петербурге и в Москве, принимавшие студентов, уже имевших высшее образование, формировали профессиональную группу отечественных ученых-археологов.

Археологические раскопки способствовали созданию музейных экспозиций, транслировавших культурное наследие многочисленных народов, населявших Российскую империю. Материалы таких периодических изданий как «Труды Восточного отделения ИРАО», «Записки Восточного отделения ИРАО» «Записки Общества любителей кавказской археологии», «Известия Казанского общества археологии, истории и этнографии», «Археологическая летопись Южной России» представляли памятники полиэтничного и поликонфессионального пространства России. Значительное место в печатных изданиях уделялось проблемам охраны памятников старины, деятельности научных и краеведческих обществ и архивных комиссий, обзорам коллекций музеев и частных собраний. Большую ценность представляли библиографические разделы журналов с обзором новейших научных трудов.

Становление отечественной этнографической науки, ее институционализация значительно продвинули изучение народов Российской империи. Крупным центром этнографической науки стало, в частности, отделение этнографии ИРГО. В период председательства Н. И. Надеждина (1848–1851) был составлен первый вопросник для сбора этнографических сведений о народах Российской империи. 7 тысяч экземпляров вопросника (программы) было разослано во все губернии. Американский историк Н. Найт, подробно рассмотревший деятельность отделения этнографии ИРГО, пришел к выводу о том, что уже в середине XIX в. этнография активно использовалась как инструмент национальной самоидентификации [17].

Этнографический отдел Императорского общества любителей естествознания (ИОЛЕ), позже Императорского общества любителей естествознания антропологии

и этнографии (ИОЛЕАЭ) при Московском университете стал организатором Этнографического музея и, в рамках подготовки к его открытию — Всероссийской этнографической выставки 1867 г. в Манеже, которую посетили многие влиятельные лица Российской империи, в тч. Александр II. Как отмечает современный исследователь О. Майорова, «выставка неожиданно оказалась плацдармом для утверждения новых основ самоидентификации. Ее исходная задача — продемонстрировать этническое многообразие империи — переосмыслялась и затемнялась идеологами славянского торжества» [12]. «Гвоздем» выставки стал славянский отдел, в который жертвовались экспонаты частными лицами из России и славянских стран. Славянофильская пресса с удовлетворением подчеркивала русско-славянские акценты выставки. Проходивший параллельно первый, актуализировавший возрождение культа Кирилла и Мефодия, визуализировавший идею славянского единения, славянский съезд в России, частью которого стало посещение делегатами выставки, что еще более подчеркнуло доминанту выставочного пространства.

Следующим крупным событием, подготовка к которому заняла у членов ИОЛЕАЭ несколько лет, стала Антропологическая выставка в Манеже (1879 г.). По поручению Комитета выставки (во главе которого стоял А.П. Богданов) организовывались экспедиции для сбора коллекций в различные районы России (Терскую область, Грузию, Архангельскую и Вологодскую губернии и др.). Например, Н. Ю. Зограф в 1877 г. совершил поездку в Канинскую тундру и на Канин полуостров для изучения самоедов [10]. Проводились целенаправленные археологические раскопки. Помощь в подготовке выставки ИОЛЕАЭ оказали ученые Казанского университета.

К оформлению выставки были привлечены профессионалы высокого класса. Декоративное решение делало близким к реальности картины древнего ландшафта. Манекены в традиционной одежде, гипсовые бюсты и маски, фотографии и произведения живописи демонстрировали антропологическое разнообразие народов России и мира. За пять месяцев выставку посетило почти 90 тысяч взрослых и детей.

Экспонаты всех трех разделов (антропологический, этнографический, археологический) были оперативно описаны в многотомном издании по итогам выставки. Большинство экспонатов и книг были переданы формирующемуся в Московском университете антропологическому музею.

В Русском антропологическом обществе, основанном в 1888 г. при Петербургском университете, активно велось изучение антропологических типов населения России — терских казаков и осетин, горных таджиков, казахов, саамов севера и др. [8, с. 64]. Центрами этнографических исследований являлись также специализированные музеи, прежде всего Музей антропологии и этнографии (один из старейших этнографических музеев мира), Этнографический отдел Русского музея [13], провинциальные музеи и научные общества.

Политические ссыльные, отбывавшие наказание в отдаленных уголках Российской империи, изучали в этнографическом отношении местные народы. Выделим труды В. А. Серошевского о якутах, В. Г. Богораз-Тана о чукчах, коряках и других народах Северо-востока России. Жена ссыльного А. Я. Ефименко (будущая первый в России почетный доктор истории) в работе «Народные юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губер-

нии» исследовала гражданское право, уголовное право, судебную систему и социальную организацию этих народов.

Среди этнографических исследований, посвященных народам Российской империи, известность и признание в научном мире (в т. ч. и у ведущих этнографов зарубежных стран) получили «Закон и обычай на Кавказе» М. М. Ковалевского, «Осетинские этюды» В. Ф. Миллера и др.

Значительную работу по сбору и публикации документов по истории, этнографии и культуре народов России проводили Императорская Археографическая Комиссия (основана в 1834 г. при департаменте народного просвещения) и Археографические Комиссии на местах. По мнению современного историка науки М. Ф. Хартанович, их деятельность имела не только научное, но и самостоятельное политическое значение. Данное положение подтверждается ситуацией 1860-х гг., когда в связи с политическими осложнениями в Западных губерниях в работе ИАК появился план обширных публикаций по истории Западной России, т.е. Царства Польского, Литвы, Белоруссии, Украины с целью пропаганды великодержавной идеологии. Ряд публикаций имело большую научную ценность: «Документы, объясняющие историю Западно-русского края и его отношения к России и Польше», «Дневник Люблинского сейма 1569 г.» и др. [15, с. 290].

Деятельность местных комиссий шла под контролем государства. Виленская комиссия содержалась по смете Министерства народного просвещения, ее издания исправно субсидировались, хотя и раскупались в ничтожном количестве и себя не окупали. В них печатались в основном собрания белорусских архивов, документы о православной церкви в этом регионе [15, с. 295]. Кавказская Археографическая комиссия вообще была создана как сугубо прави-

тельственная, по инициативе управляющего гражданской частью на Кавказе барона А. П. Николаи, впоследствии министра народного просвещения. Первым председателем был назначен известный историк-востоковед А. И. Берже. Комиссия издавала «Акты» (т. 1–12, 1866–1904 гг.), где опубликованы разнообразные документы по истории народов Кавказа, главным образом, XIV — первой половины XIX в. Это хроники, жалованные грамоты **грузинских** царей и других владетельных особ (гуджары), указы (фирманы) и другие документы на различных языках с русским переводом. В работе Комиссии принимали участие такие крупные исследователи как историк и археолог Д. З. Бакрадзе (автор капитального исследования «Кавказ в древних памятниках христианства»), выдающийся азербайджанский просветитель М. Ф. Ахундов (перевел все восточные документы первого тома) и др. Предлагаемые к публикации документы жестко цензурировались.

Своеобразную конкуренцию Кавказской Археологической комиссии составлял Военно-исторический отдел Кавказского военного округа. По указанию главнокомандующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича данный отдел стал издавать «Кавказский сборник» (с 1876 по 1912 гг., всего вышло 32 т.) с целью публикаций свидетельств о Кавказской войне, сохранившихся в архивах и воспоминаниях очевидцев. Как отмечают современные исследователи В. А. Захаров и Т. Ю. Крайцова, в центре внимания которых находилась история Кавказской армии, но не проблемы Кавказской войны. Как правило, материалы Сборника характеризовались фактической насыщенностью, желанием избежать категоричных оценок событий. Тех, кто работал над документальными хрониками, в первую очередь интересовали

не политические вопросы, а то, как войска решали поставленные задачи, как солдаты и офицеры переносили трудности и лишения войны [9, с. 324]. В «Кавказском сборнике» также публиковались материалы, связанные с историей и этнографией народов Кавказа. Среди них — «Этнографический очерк черкесского народа» барона К. Ф. Сталля, посвященный адыгам и кабардинцам.

Среди периодических научных изданий по истории, лингвистике, этнографии, археологии Кавказа нельзя не упомянуть «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», издававшийся Управлением Кавказского учебного округа в Тифлисе. В «Сборнике...» публиковались сказания о нартах, другие тексты, материалы по различным аспектам этнографии народов Кавказа.

Большое значение в области изучения и охраны культурного наследия имела деятельность возникших соответственно в 1834 и в 1884 гг. губернских/областных *статистических комитетов и губернских ученых архивных комиссий*. Кроме подготовки различной статистической информации, организации переписей и пр. статистические комитеты занимались экспедиционным изучением регионов, изданием сборников. Например, Кубанский областной статистический комитет выпускал с 1883 по 1916 гг. «Кубанские сборники» с многочисленными материалами по географии, климату, природным ресурсам, экономике, археологии, этнографии, истории многонациональной Кубани [6, с. 31].

Итак, государственная власть Российской империи, движимая практическими административными интересами управления окраинами империи, стимулировала изучение истории и этнографии народов России.

Изучение собственно русского народа в отечественной этнографии началось значительно позже, чем других народов, проживавших в Российской империи. В исследовательский процесс были включены государственные научные учреждения (учебные, академические), общественные научные организации.

Русские правительственные экспедиции по изучению обширной территории Российской империи стимулировали развитие этнической картографии. Составлялись карты с усиленной этнической нагрузкой, параллельно уточнялись сведения по расселению этносов и этнических групп.

Стараниями ученых к научно-исследовательской деятельности приобщались представители разных национальностей, что способствовало их интеграции в российский социум.

Важной задачей публикаторской деятельности было подведение документального фундамента под здание внутренней политики государства.

Использованная литература:

1. Академия наук СССР и развитие грузинской науки. 1724–1974: сб. Тбилиси: Мецниереба, 1974.
2. *Апажев А. К., Кожокоев М. К., Дзуганов Т. А., Кожокоев А. М.* Роль Императорского Русского географического общества в развитии академической науки на Кавказе [Электронный ресурс] // Мир науки. 2014. №4. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/09KNMN414.pdf> (дата обращения: 23.09.15).
3. *Барышева Е. А.* Румянцевский кружок и становление этнографической науки в России // Этнографическое обозрение. 1994. №3. С. 89–103.

4. *Бекоева Т. А.* Научно-просветительская деятельность российских учёных — членов Кавказского Отдела Императорского Русского Географического Общества // Бюллетень Владикавказского института управления. 2009. № 31. С. 103–116.
5. *Гафаров А. А.* Имперская социокультурная политика как фактор аккультурации мусульман России // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт: материалы междунауч. конф., Казань, 11–13 мая 2006 г. / науч. ред. А. О. Чубарьян. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2007. С. 91–99.
6. *Еремеева А. Н.* Российские ученые в условиях социально-политических трансформаций XX в.: курс лекций. СПб: Нестор, 2006.
7. *Есаков В. А.* Очерки истории географии в России. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
8. *Залкинд И. Г.* Московская школа антропологии. М.: Наука, 1974.
9. *Захаров В. А., Кравцова Т. Ю.* «Кавказский сборник» // Кавказский сборник. М.: Русская панорама, 2004. Вып. 1 (33). С. 323–327.
10. *Зограф Н. Ю.* Поездка к самоедам. (По поручению Комитета Антропологической Выставки 1879 г.). М.: Тип. Лаврова, 1877.
11. Казанское общество археологии, истории и этнографии [Электронный ресурс] // Справочник Научных Обществ России. URL: http://www.snor.ru/?an=sc_130 (дата обращения: 23.09.15).
11. *Майорова О.* Славянский съезд 1867 г.: Метафорика торжества [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. URL: <http://magazines>.

- russ.ru/nlo/2001/51/mayor.html (дата обращения: 23.09.15).
12. *Сергеева Г. И.* В. И. Ламанский и организация Этнографического отдела Русского музея // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX — XX вв.). СПб.: Гос. музей этнографии, 1992. С. 3–13.
 13. Сибирские коллекции [Электронный ресурс] // Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН «Кунсткамера». URL: <http://www.kunstkamera.ru/index/300/5/siberia/> (дата обращения: 23.09.15).
 14. *Толыц В.* «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
 15. *Хартанович М. Ф.* Императорская Археографическая комиссия и сеть археографических учреждений в России XIX в. // Академия наук в истории культуры России XVIII — XX вв. / отв. ред. Ж. И. Алферов; ред.-сост. Э. А. Тропп и Г. И. Смагина. СПб.: Наука, 2010. С. 268–311.
 16. *Чхаидзе Г., Мелказде Н.* К истории становления кавказского музеума (факты и лица) [Электронный ресурс] // Кавказоведение. 2002. №1. <http://www.nplg.gov.ge/caucasia/Caucasology/RUS/2002/No1/Summary/4.htm> (дата обращения: 23.09.15).
 17. *Knight N.* Science, Empire, and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845–1855 // Imperial Russia. New History for the Empire / ed. by J. Burbank & D. L. Ransel. Indiana University Press, 1998. P. 108–141.